

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ В БАЛКАНСКИХ СТРАНАХ (1946 г.)

В начале 1946 г., во время поездки в составе делегации Академии Наук СССР в Балканские страны, я имел возможность сделать некоторые этнографические наблюдения. Они производились мной лишь попутно, и мои заметки носят отрывочный характер.

Больше всего этнографических наблюдений удалось сделать в Болгарии. Мы пробыли там 23 дня, и хотя большую часть этого времени провели в Софии, но с помощью наших болгарских друзей нам удалось сделать ряд выездов в другие города и в деревни.

Сама София не представляет особого интереса для этнографа: город молодой, старины в нем мало; почти нет построек турецкой эпохи. Национальных костюмов на софийских улицах почти не увидишь; их можно найти лишь в антикварных магазинах.

Этнографическая работа в Софии сосредоточена в двух учреждениях: в музее и в университете.

«Народен Етнографски Музей» — главный центр этнографической работы. Он сильно пострадал во время войны: сгорело все здание и большая часть экспонатов. Погибла половина фототеки, большая часть библиотеки. От пожара уцелели все коллекции костюмов — единственное, чем сейчас музей богат; из других коллекций — лишь разрозненные экземпляры. Сохранились целиком и все записи народной музыки — около 700 номеров.

Сейчас музей, разместившись в другом (небольшом) здании, деятельно восстанавливает свои потери. В музее работают хорошие специалисты, знатоки своего дела. Директор музея Христо Вакарельский — широко образованный ученый, специалист по материальной культуре; «юредники» — Райна Кацарова-Кукудова, знаток народной музыки, Мария Тодорова-Велева — специалист по костюму; старшие и младшие ассистенты, художники, внештатные сотрудники-учителя, добровольные внештатные ассистенты (Добре Попов, Васил Маринов).

В университете этнографическая работа ведется на кафедре славянской филологии историко-филологического факультета, возглавляемой маститым ученым, проф. Стояном Романским. Будучи филологом, он руководит и этнографической практикой студентов, носящей несколько кустарный характер. Специально этнографические курсы не читаются, но студенты могут по желанию выбирать себе для дипломной работы («теза») тему по филологии или по этнографии. Этнографические дипломные сочинения представляют собой обычно описание какого-нибудь села, местности, чаще всего родины самого студента, где он собирает материал во время летних каникул. Мы видели очень много таких описаний, тщательно выполненных и хранящихся в образцовом порядке.

Ознакомление с печатными и неопубликованными материалами в Софийском музее и университете дает представление о состоянии этнографической науки в Болгарии и о степени изученности страны. В области материальной культуры хорошо изучена одежда, по которой имеются и вещественные экспонаты, и зарисовки, и фото почти по всем районам Болгарии. Христо Вакарельским установлена типологическая классификация одежды с точным географическим районированием. Жилища и постройки изучены гораздо хуже. Материалов по ним почти не собрано, методика изучения построек не разработана, господствуют кустарные приемы. Духовная культура и фольклор изучены хорошо, благодаря, главным образом, работам старых этнографов, особенно проф. Арнаудова. Народная музыка изучается Райной Каца-

ровой, изобразительное искусство — Иваном Коевым. К общетнографическим проблемам принципиального характера большого интереса не наблюдается.

В провинциальных городах Болгарии этнографической работой никто серьезно не занимается, этнографические коллекции в музеях бедны или совсем отсутствуют. Так обстоит дело в Пловдиве, Варне и Шумене, где мы побывали. Но сами эти города (особенно Пловдив и Шумен) представляют этнографический интерес своими старинными постройками, частью восточного стиля (характерно выступание верхнего этажа на консолях), старым бытом, особенно в купеческих семьях.

* * *

Нам удалось сделать при содействии и с участием местных этнографов (особенно Вакарельского) ряд краткосрочных выездов в деревни разных районов. Мы побывали в деревнях: Бояны и Панчарево (около Софии), Дивля (Радомырской околии), Бачково и Сотир (около Пловдива), Тополи, Аксаково, Казачья Махала (около Варны), Струйно (Шуменской околии). Почти в каждой деревне мы имели возможность наблюдать, помимо построек, костюмов и других элементов материальной культуры, также и местные обычаи и обряды. В некоторых отношениях оказалось возможным сравнить параллельные явления в западной Болгарии (у шопов), южной (у рущев) и восточной (балканцы, полянцы).

Обращают на себя внимание постройки. Во всех посещенных нами деревнях видны, наряду с новыми постройками городского типа (которых особенно много в Боянах, Дивле), также и старые, иногда весьма старинные дома. Есть и дома, перестроенные или достроенные по-новому, но сохранившие старые части. Почти повсюду, даже в старых домах, проведено электрическое освещение, имеется городская обстановка, радиоприемники и пр.

Общие черты деревенской архитектуры: все постройки наземные (землянок нет нигде), из камня или кирпича, обожженного или сырого, иногда плетневые (часть стен или верхний этаж), обмазанные и побеленные внутри и снаружи. Срубных построек нет. Крыша на стропилах четырехскатная, черепичная. Почти везде в старых домах — «огниште», пристенный открытый очаг с подвесным котлом и широкой открытой прямой трубой, выходящей через крышу (снаружи над ней колпак). На этом же очаге обычно пекут хлеб при помощи особой жаровни, состоящей из нижней части («подница») и сферического колпака («вършник»), на который сверху тоже насыпают горячие угли.

Что касается горизонтальной планировки и вертикального развития построек, а также сочетания жилых и хозяйственных помещений, то тут наблюдаются некоторые географические различия. В восточной Болгарии (в посещенных нами селах) преобладают более простые архитектурные формы, которые, однако, встречаются и в западных районах. В основе лежит двухраздельный план жилья: кышта + соба (одая); кышта с огништем, одая теперь — с железной печкой. Но чаще дом двухэтажный, и жилая часть помещается наверху, делясь на те же две или три части (ход в каждую отдельно с терраски, на которую ведет наружная лестница); нижний же этаж представляет собой склад хозяйственных вещей («маза»), но иногда часть его тоже отводится для жилья.

Этот план может осложняться выделением большего числа комнат, но он всегда остается вписанным в простой прямоугольный параллелепипед, составляющий внешнюю форму жилого дома.

Совсем другое видим мы в Родопских горах южной Болгарии, у рущев. Яркий пример — дер. Бачково. Здесь старые постройки отличаются чрезвычайно сложным и запутанным планом, который трудно анализировать. Жилые и хозяйственные постройки составляют один сложный комплекс, в котором не всегда легко найти грань между внутренним и внешним пространством (внутренние дворики, открытые чердаки, террасы и пр.), не всегда можно определить число этажей, благодаря многочисленным лесенкам, ступенькам (так что отдельные помещения и комнаты находятся на разных уровнях), не разделены жилые и хозяйственные части, и вообще никакой закономерности в планировке не заметно.

Дома бывают очень высокие, приблизительно трех-, четырехэтажные, причем фасадная или боковая стена иногда глухая до верха. Верхние этажи иногда выступают над нижним на консолях, подобно тому как это бывает в архитектуре восточных городов. Дома бывают слеплены по несколько вместе, образуя целые кварталы, как в горных аулах Кавказа или Горного Таджикистана. Этот стиль архитектуры прямо противоположен восточнославянскому типу построек, где развитие плана всегда заключено в простую форму прямоугольного параллелепипеда. Постройки восточной Болгарии составляют переходные формы между этими крайними типами.

Мои наблюдения над народным костюмом не представляют особого интереса, так как типология и местные разновидности болгарской одежды хорошо изучены.

Скажу только несколько слов о покрое женской рубашки (ризы), на которую болгарские этнографы обращают мало внимания, описывая и классифицируя по преимуществу верхнюю одежду. По всей Болгарии господствует простой туникообразный покрой рубашки. Однако в северных районах известен тип, приближающийся к восточнославянской рубахе с поликами; здесь характерны небольшие вставки на плечах, обычно из красной вышитой ткани. Можно предположить известную связь с украинским типом рубашки.

Национальная одежда сохранилась гораздо лучше в западной Болгарии, чем в восточной: в посещенных нами селах около Варны и Шумена народного костюма совсем не видно, тогда как в селах около Софии он нередко встречается и у мужчин, и у женщин, а около Пловдива — еще чаще. Наиболее устойчива национальная обувь — «опинцы», которую можно видеть везде.

До сих пор употребляются старинные сельскохозяйственные орудия. Виденные мной образцы плугов («рало») не расходятся с классификацией, установленной Обремским (Lud Slowianski, 1931).

* * *

Нам посчастливилось видеть большую часть зимнего святочно-новогоднего цикла обрядов: Васильев день, Богоявление, «Бабин день» (эти обряды были не раз описаны в этнографической литературе). Здесь мы видим необычайную живучесть древних обычаев.

Васильев день — Новый год (1/14 января) — связан у болгар, во-первых, с поминовением умерших, а во-вторых, со своеобразным карнавалом — так называемые «Сурваки». Накануне этого дня вечером женщины идут на кладбище («гробиште») и несут с собой угощение для умерших, которое частью съедается на могилах. Мы видели в с. Боянах группу женщин, возвращавшихся с кладбища с пустыми корзинками и бутылками. Самый же праздник мы наблюдали в с. Дивле (около Радомира, в 70 км к западу от Софии), у шопов.

Мы поехали туда на машине с вечера. Еще по дороге, ночью, нам встречались группы ряженных парней, человек по 5—10, двигавшихся из деревни в деревню с музыкой и плясками; там были медведь с поводьями, солдаты, цыгане, жених с невестой, поп и разные чудеса. К утру все эти группы из разных деревень сошлись в с. Дивлю, где и началось настоящее представление. В Дивле мы дождались рассвета. Около 8 часов утра площадка перед сельским клубом наполнилась народом и на ней начали появляться один за другим отряды «кукеры» — ряженных. Каждый отряд — организованное целое, человек в 20—30, под предводительством атамана в блестящей мишурной военной форме (так называемый «булюм-паша»); в каждом отряде выделяется 5—8 масок с огромными дисковидными наголовниками из птичьих чучел и перьев с лентами, бусами, зеркальцами и пр.; у них в руках огромные деревянные сабли (считающиеся «саблями Марка Кралевича») с надписями «Честитанова година». Кроме того, в каждом отряде обычно есть поп, цыган, медведь с поводьями и уроды с размазеванными лицами. Отряд передвигался от дома к дому вприпрыжку, под звуки барабанов и флейт, требуя подарков. Один отряд сменялся другим. Ряженные и сопровождающие их дети особыми разукрашенными палочками хлестали зрителей и встречных по плечам и по спине, требуя денег, распевали и приговаривали: «Сурва, Сурва година».

Затем начались шутки, дурачества, представления. Поп кропил людей водой, кадил едким дымом от жженой бумаги с красным перцем. Медведь хватал зрителей, обкручивал их своей цепью, требуя выкупа. На импровизированной эстраде — верхней площадке автобуса — была представлена шуточная сцена с солдатом, цыганом, его женой и пр. На земле был изображен целый цыганский табор. Затем был шуточный бой на палках, которыми били друг друга по горбам из привязанных подушек. Шуткам и фокусам не было конца. Зрители, старые и малые, были в полном восторге. Каждый отряд выступал самостоятельно. При встрече двух отрядов предводители обменивались рукопожатиями, но были заметны знаки притворной враждебности. Все это продолжалось часа два, после чего «кукеры» и народ стали постепенно расходиться.

Обряд «Сурваки» — чисто болгарский (сербы его не знают) — очень сложен по составу и происхождению. Здесь есть какой-то отдаленный пережиток древних мужских союзов: своеобразные корпорации молодых мужчин (женщины совершенно не участвуют, а женские роли исполняются парнями) под предводительством атамана, элемент соперничества между группами, маскировка, шуточное запугивание зрителей и требование выкупа и подарков, — все это представляется слабым отголоском организации и ритуала мужских союзов, хорошо известных в Океании или Западной Африке.

Следующий обряд зимнего цикла — обряд водосвятия на праздник Богоявления (6/19 января) — мы видели в с. Панчарево — в 15 км к юго-востоку от Софии; здесь также живут шопы. Деревня расположена в живописной долине р. Искера, где эта река — еще небольшой горный поток. После обедни мы со всем народом отправились вслед за священником на берег реки. Здесь после молебна с водосвятием был совершен интересный обряд бросания креста в реку. Река здесь течет быстрым по-

током и не замерзает, несмотря на мороз, который в день Богоявления достигал 10—12°. В одном месте русло речки, расширяясь, образует небольшой прудок, глубиной по колено. Сюда-то и бросил священник крест. Тотчас же в воду прыгнули один из парней, сбросив только верхнюю одежду; за ним бросились еще двое. Первый уже успел схватить крест, другие стали отнимать его, началась свалка, и соперники барахтались и катали друг друга по дну в неглубокой, но ледяной воде. Первый из смельчаков остался победителем, выскочил на берег с крестом и отдал его священнику, который поцеловал победителя. Достать крест из воды считается молодецеством и богоугодным делом; в награду парень получит подарки от всей деревни.

Этот обряд является старинным, чисто славянским обычаем, о котором упоминает один византийский писатель еще в XIII в. Обычай этот соблюдается всеми болгарями; в Варне крест бросается в море. Нам рассказывали, что даже в Бразилии, в Рио-де-Жанейро, болгарские эмигранты соблюдают этот обряд, ныряя в море за крестом при многочисленных зрителях. Обычай этот есть и у сербов.

Прежде был обычай, согласно которому после водосвятия в реке должны были выкупаться молодожены, вступившие в истекшем году в брак, а также женихи и невесты. Теперь это не соблюдается, но мы видели девушку-невесту, которую обрызгивали водой. Под конец все начали по очереди подходить к священнику, который давал каждому целовать крест и руку и кропил освященной водой, вернее ударял по лицу мокрым пучком травы. Мокрые лица не вытирали, несмотря на мороз. На этом кончился обряд.

Затем мы видели в церкви крещение двух новорожденных, но в этом обряде никаких народных элементов не заметили; священник крестил младенцев скорее обливанием, чем погружением (ибо купель не глубока и не допускает полного погружения), т. е. способом близким к католическому.

Через два дня после Богоявления (8/21 января) болгары справляют «Бабин день» — женский праздник, главным образом в честь повивальных бабок. Праздник этот раньше справляли в каждом доме, но в последние годы, по почину женских общественных организаций («Женско дружество»), его начали справлять коллективно всей деревней. Мы видели специальную афишу о «Бабином дне» в с. Святой Спас, а самый праздник наблюдали в с. Бачкове (около Пловдива). В «Общинском управлении» (сельсовете) есть особый «театрален салон» (зрительный зал). Там собралось множество народа, по преимуществу женщин; многие из них, особенно пожилые, — в национальных костюмах. Группа этих женщин исполнила со сцены несколько песен, а потом начался обряд «подсипване» — омовения рук повивальным бабкам.

Каждой из них женщины, пользовавшиеся их услугами в истекшем году, поливали руки водой над тазиком; при мытье рук употребляется пучок какой-то травы; затем бабка получала в подарок полотенце или кусок ткани. После этого детишкольники декламировали со сцены болгарские и русские (может быть, в честь нас) стихи. На улице те же женщины в национальных костюмах устроили танцы; предводительница танцующих держала в руках ведро с водой и пучок травы.

«Бабиным днем» заканчивается святочно-новогодний цикл обрядов.

В деревнях около Варны нам не пришлось наблюдать каких-либо обычаев, но о некоторых нам там рассказывали. Самый интересный обычай — это «нестиняри», обряд хождения босыми ногами по горячим углям. Этот обряд, исполняемый и теперь в день св. Константина и Елены, занесен сюда, в с. Тополи, переселенцами из юго-восточной Болгарии, где он главным образом бытует. «Нестиняри» подробно описан и исследован проф. Арнаутовым.

По сообщению местных жителей, около Варны, в Васильев день тоже справляют праздник «Сурваки», но маски менее разнообразны, чем у шопов. Зато здесь бывает карнавал на первый день масленицы. Во главе «четы» (отряда) ряженных стоит «кукер», затем идут: «баба», 5—6 «момичек» (девушек), столько же «ергней» (парней), 4—6 «джиндари» (полицейских) с луками и саблями, «врач», «санитар» и фельдшер» (они «лечат» больных), наконец «царь». Ряженные обходят все дома деревни, начиная с дома кмета (старосты). Рассказывают и об обряде в день св. Власа (в феврале): в этот день стригут овец, а если их нет — имитируют стрижку на шерстяном платке и этим будто бы уничтожают причины болезней, попадающие в виде «власа» в тело (магическая игра слов).

Очень интересно было наблюдать сельскую свадьбу; чтобы увидеть ее, мы специально поехали из Шумена за 15 км в с. Спруйна (по-турецки ДЕРЕ-КÖЙ). Свадьба эта длилась два дня (воскресенье и понедельник); мы наблюдали ее почти с начала до конца. Свадьба справлялась по старым обычаям, с небольшими только отступлениями: невеста уже с месяц как жила в доме жениха, бежав к нему от родителей («пристанела»), так как опасалась их несогласия на брак (жених очень молод, и ему еще предстоит служить в армии); только накануне она для соблюдения ритуала вернулась в родной дом. В связи с этим уже совершившимся фактом брака, вся часть ритуала, относящаяся к брачной ночи (проводы новобрачных, укладывание их и пр.), выпала. Далее, не было ни на ком национальных костюмов, и даже обрядовое «було» (красная ткань, которой покрывают голову и лицо невесты) было заменено белой

кисейной вуалю, а венец «сукай» — венком из покупных белых искусственных цветов. Остальное все было по старине.

Мы застали момент в самом начале свадьбы (около 12 часов дня), когда при собравшихся гостях, при музыке и плясках на дворе невесту («булку») покрывали головным убором. Затем начался шуточный обряд «продажи» приданого, которое было в большом количестве тут же сложено горами вдоль стен. В составе «продаваемого» приданого был и черный петух, символизирувавший коня. Державший его в руках «заложник» (сват) называется поэтому также «петлар» (иначе еще: «желеш» или «маскара» — шутник). В «продаже» приданого участвовал со стороны невесты ее маленький брат-школьник. Затем приданое увезли, и все, угостившись ракией и закуской, отправились в церковь. Жених (бывший и ранее все время в доме невесты) шел с ней под руку, впереди шли музыканты, танцоры, за ними — целая веселая процессия. На этом этапе свадьбы распорядителем ее является «крестник» (крестный отец) невесты, по требованию которого вся процессия не раз останавливалась и устраивались танцы и угощение ракией.

Венчание в церкви ничем не замечательно; по окончании его родственники и друзья целовали евангелие, затем жениха и невесту в лоб (или в венец). Возвращаясь из церкви, процессия часть пути двигалась другой дорогой, опять с музыкой, плясками и ружейными выстрелами.

На крыльце дома жениха произошла шуточно-обрядовая сцена: «заложник», все еще держа в одной руке петуха, а в другой топор, начал торговаться с родителями жениха о подарках с их стороны, среди общего смеха, отмечая обещанные подарки ударами топора по столбу крыльца. Затем мать жениха подняла «було» с лица невесты (и до конца свадьбы оно осталось лишь красивым покрывалом на ее голове), дала в руки свечи, угостила вином и ввела в дом, где невесте поднесли хлеб, который она разломала и раздала гостям. После этого «булку» повели в нижний этаж, в «мазу» (кладовую), где она поставила зажженную свечу в ларь с мукой. Гостей напоили ракией. Затем начался продолжительный и вызвавший шумное веселье обряд передачи подарков: сначала от родных и односельчан «булке», потом ее от дарки. Подарков было много, притом довольно ценных, особенно со стороны «булки»: вышитые подушки, ткани, обувь, предметы домашнего обихода. Церемония происходила на дворе, главную роль в ней играл опять «заложник», торжественно и с шутками демонстрировавший перед многочисленными гостями дорогие вещи. После этого «булка» и «младоженец» обошли всех гостей, целуя у каждого руки и получая мелкие деньги.

Эта часть свадебного ритуала закончилась угощением всех гостей: большая часть их пировала на дворе на длинных низких столах (несмотря на холодную погоду), а более близкие и почетные гости (мы в том числе) — в комнате. Играла музыка, пелись песни. Молодые ни разу не присаживались, а только прислуживали гостям. Лишь по окончании пира, когда гости разошлись, молодые и их родители тоже поужинали. Мы остались ночевать.

На другой день с утра свадьба продолжалась. Около 8 часов начали собираться гости, в меньшем числе против вчерашнего. Пришли музыканты, начались танцы с шутками, например, мазание лиц всем присутствующим сажей (и нам осторожно сделали по черному пятну на лицах). Затем — обряд хождения «булки» по воду; шла торжественно, как вчера, вся процессия, с музыкой и плясками; у фонтана молодая опрокинула ногой ведро со старой водой, принесенной из дома, с житом и букетиком сухих трав, наполнила его свежей водой, и вся процессия вернулась в дом. Принесенной водой «булка» омыла ноги, руки и лицо свекрови, а свекрови и другим родственникам мужа — только руки и лицо. Этот, довольно неприятный, на наш взгляд, ритуал омовения грязных ног молодая сделала с веселым видом под бурную музыку и пляску гостей.

После угощения всех ракией свадебная процессия торжественно направилась, во вчерашнем порядке, в дом «крестника», где и был устроен свадебный пир. Перед началом пира, в той же комнате перед всеми гостями «булка» совершила обряд омовения ног «крестнику». Затем была устроена за столом своеобразная обрядовая игра: гости клали на большой, положенный на стол ломоть хлеба мелкие деньги; крестник их считал; если количество монет было нечетным, то он должен был добавить от себя до четного числа; но тогда кто-нибудь из гостей опять подкладывал монету, и крестнику приходилось снова дополнить до чета, — и так продолжалось довольно долго, пока гостям не надоело смеяться. Деньги взяла себе «булка», а хлеб поставили на полку. Наконец, после нового угощения ракией начался пир, во время которого провозглашались здравия, появились ряженые, играла музыка.

* * *

Та же поездка в восточную Болгарию дала нам возможность познакомиться, хотя и очень бегло, с двумя обособленными национальными группами: с русскими липованами и турками.

Липоване — русские старообрядцы-беглопоповцы — живут в небольших селах около Варны. Мы заехали в с. Казачья Махала (или Казачье село) на берегу Варненского

озера, осмотрели бегло постройки и внешнюю обстановку быта, поговорили с жителями. Они переселились сюда в самом начале XX в. из Добруджи, а из России выселились, по видимому, еще при Петре I. Говорят чистым русским языком (без украинских элементов), но все хорошо говорят и по-болгарски. Дети учатся теперь в болгарских школах, но до последних лет школьное преподавание было свое, старообрядческое, по уставным книгам и на русском языке. Таким образом, население двуязычно, но смешанных браков с болгарами почти не бывает. По внешнему облику — русские. Мужчины носят бороды. Национальной одежды не заметно. Постройки по внешнему виду напоминают украинские: глинобитные, чисто побеленные домики, разбросанное расположение жилых и хозяйственных построек на усадьбе; но в числе их есть баня с каменной, как у великоруссов. «Дом» — двухраздельный или трехраздельный: сенцы + хата, или две хаты, а посередине сенцы. Потолок опирается на продольную «матцу», как у нас. «Красный угол» с иконами против входа и стол в нем — тоже восточнославянская черта. Но на этом сходство с восточнославянским жилищем заканчивается, остальное ближе к балканским формам: печи нет, вместо нее «лежанка», которую топят из «сенцев». «Кухня» с хлебной печью — отдельно, во дворе. В хозяйственном быту преобладает рыболовство (озерное), далее виноградарство и земледелие. Многие липоване стремятся к возвращению на родину.

Оторванные уже 200 лет от родины, липоване сохранили родной язык, многие элементы быта. Было бы интересно изучить их обычаи. Экспедиция к липованам — дело неотложное, ибо в ближайшее время вероятно их возвращение в СССР.

Столь же бегло познакомились мы с турками. Они живут в Шуменской, Разградской и Новипазарской околиях. В Шуменской их тысяч 20, около 5 тысяч в самом г. Шумене. В этом городе находится одна из самых больших известных на Балканском полуострове мечетей (джамие). Мы видели турок в с. Струйне (Дере-Кой). Там около 60 турецких хозяйств (болгарских — около 100). Турки живут обособленно от болгар, смешанных браков не бывает, но отношения между ними дружные; многие из турок и болгар двуязычны. Мы видели, как во время свадебной болгарской процессии многие турки (мужчины, женщины и дети) стояли у своих домов и смотрели на шествие; несколько турецких детишек забежало и во двор, где была свадьба, в качестве зрителей. Одежда турок мало отличается от болгарской, хотя многие носят чалмы и фески; турчанки — в шароварах или в своеобразных широких комбинациях из клетчатой ткани; замужние женщины носят черные фередже, однако лицо открыто. Мы зашли в один турецкий дом, конечно, только в селямлик. Там очень чисто, выбелено, мебели нет, пол покрыт цыновками.

По словам местных жителей-болгар, турки сохранили здесь почти целиком старый уклад. Их совершенно не коснулись кемалистские реформы, сильно изменившие быт населения в самой Турции. Таким образом, в настоящее время изучать турецкую этнографию можно лучше в Болгарии, чем в Турции.

* * *

Встречающиеся в старой литературе утверждения о слабой музыкальности болгар (сравнительно с другими славянскими народами) глубоко ошибочны. Богатство музыкального творчества болгарского народа не подлежит сомнению¹. Народные песни мы слышали постоянно, в особенности на праздниках, на свадьбе. Характер их довольно разнообразен. Есть мелодии с явно восточным колоритом, с хроматическими ходами, с характерной вибрацией голоса, но немало и мелодий, построенных на чисто диатоническом звукоряде, можно сказать, вполне «славянских». Некоторые из них очень приятны на наш слух. Возможно даже, что песни «восточного» стиля составляют меньшинство в мелодическом репертуаре болгарской музыки. По мнению Р. Кацаровой, такой характерный признак «восточной» мелодии, как увеличенная секунда, имеется только в 10% болгарских песен. Меньше всего этих «восточных» черт в песнях шопов и особенно помаков — болгар-мусульман, сохранивших, несмотря на религиозное ренегатство, много самобытных славянских особенностей. По словам Р. Кацаровой, в помацких песнях да и вообще в песнях жителей Родоп немало черт, сходных с украинской народной музыкой.

Болгарские песни, как правило, одноголосны. Восточно-славянской полифонии в них нет. Двуголосие встречается только у шопов: это своеобразная диафония, в которой низкий голос образует неподвижную основу — «органный пункт», а верхний ведет мелодию.

Ритмика болгарских песен своеобразна и порой сложна, но всегда строго выдержана.

Народные инструменты, которых мы видели много и в музеях и в быту, довольно разнообразны. Струнные: гадулка, кеменче (цидулка в восточной Болгарии), однострунная гусла из группы смычковых, тамбура — на ней играют плектром; духовые: нискун (гобой), дудук (с одним мундштуком), двуянка (с двумя мундшту-

¹ Мои поверхностные впечатления подкреплены беседами с таким знатоком болгарской музыки, как Р. Кацарова.

ками), свирка (флейта), кавала (трехчастная флейта), наконец, гайда (волынка с двумя или тремя трубами).

У болгар преобладают лирические песни. Но нам удалось послушать и эпического пезца; такие профессиональные певцы есть у шопов. В Софию приехал специально для нас 85-летний Христо Георгиев, шоп из Кралева Дола (Радомирско). Он пел эпические песни с Марке Кралевиче, о юнаках и пр., перемежая их веселыми интермедиями. Пел, аккомпанируя себе на самодельной пятиструнной гадулке. Пение «дядо Ристо» записано фонографом Софийского этнографического музея.

Народная музыка оплодотворяет и творчество болгарских композиторов (Панчо Владигеров и др.). Она сохраняется не только в крестьянской среде, но и среди интеллигенции. Горожане знают и охотно поют народные мелодии.

Этнографический материал, который нам удалось видеть в Болгарии за краткое пребывание там, настолько интересен и разнообразен, что было бы весьма целесообразно незамедлительно организовать советскую этнографическую экспедицию в Болгарию. У болгар поразительно сохранились до наших дней, уживаясь с довольно высоким культурным уровнем, архаические обычаи, самобытный уклад, старинные обряды и верования, не говоря уже об элементах материальной культуры.

2

В Югославии мои этнографические наблюдения были более разрознены. В Сербии мне пришлось прожить довольно долго в Белграде и удалось совершить только один выезд в деревню.

В Белграде наиболее интересен для этнографа «Народни Етнографски Музеј». История его известна из печатных обзоров².

В настоящее время музей находится в переходном состоянии. Он недавно переехал в новое обширное помещение (бывший королевский дворец) и подготавливает развертывание новой экспозиции, которая займет всю огромную анфиладу комнат 2-го этажа дворца (24 комнаты, ок. 1000 м²). Коллекция музея, очень богатые (около 23 тысяч инвентарных номеров), к счастью, не пострадали от войны. Особенно богаты коллекции народного костюма (до 150 комплектов), из которых будет выставлена только небольшая часть. Экспонируется более 30 моделей жилищ и построек из разных районов; к сожалению, эти модели не выдержаны в одном масштабе и стиле. В основе создаваемой экспозиции лежит «антропогеографический» принцип, составляющий в значительной мере традицию сербских этнографов, связанную с именем покойного проф. Иована Цвинича. Экспозиция вещественных материалов дополняется картами типов построек и типов одежды и схемами эволюции их по зонам.

Директор Музея Боривоје Дробнякович, старый опытный этнограф, специалист по материальной культуре. Музей состоит из 6 отделов: 1) отдел этногенеза, руководимый д-ром Миленко Филипповичем (подразделения: древние балканские народы, древние славяне и первобытные сербы, миграции и формирование новых этнических групп, антропогеография); 2) отдел антропологии (с подразделениями: физические особенности, психические особенности); сотрудников в этом отделе сейчас нет; 3) отдел материальной культуры, под руководством Митра Влаховича (подразделения: поселения, постройки и домашняя жизнь, экономика и средства сообщения, технология, народный костюм, пища); 4) отдел духовной культуры — завед. Любича Якович (подразделения: народные танцы и музыка, народная письменность, изобразительное искусство и орнаментика, народные обычаи и верования, народная медицина); 5) отдел балканских и прочих народов (кроме сербов) — завед. М. Филиппович; 6) иллюстративный отдел — завед. фотограф-художник Кушевич.

Большинство сотрудников музея являются высококвалифицированными научными работниками. Многие из них имеют печатные труды, ученые степени.

Помимо музея, этнографы есть в Белградском университете. На философском факультете (обнимающем почти все гуманитарные и естественные науки) читается курс общей этнологии. Читал его д-р Иован Ердельянович, погибший во время войны, теперь читает Татомир Вуканович. На архитектурном отделении технического факультета изучаются типы народных построек, которыми серьезно интересуются архитекторы проф. Александр Дероко и доц. Бранислав Коич.

В Музыкальной Академии ведется изучение народной музыки (доц. Миюдраг Василевич, Даница Янкович).

Небольшая поездка в деревню Бели Поток (около 10 км. к югу от Белграда) дала мне возможность бегло ознакомиться с городской архитектурой, характерной для этого района. Расположенная недалеко от города и еще ближе от магистральной шоссеиной дороги, деревня Бели Поток находится, естественно, под сильным городским влиянием. Там осталось немного «старинских куч» (старых домов), но и из них большая часть подвергалась частым перестройкам. Однако, можно восстановить первоначальный план и характерные особенности старых построек. Они принадлежат к моравскому типу.

² См. «Гласник Етнографскогo Музеја у Београду», кн. 1, 1926.

Старые дома построены в большинстве из плетня («плетёница»), обмазанного с обеих сторон глиной. Постройки по преимуществу одноэтажные, но встречается и «подрум» — подвальное помещение, обычно под частью дома, углубленное в землю. Пол земляной. Крыша всегда четырехскатная, черепичная, причем черепица бывает двух видов: «черепицей» называются плоские керамические плитки, продолговатые и с одного конца закругленные; наша же обычная вогнутая и выпуклая черепица называется «черамида». Прежде, по рассказам, крыли и соломой и деревом (тесом). Конструкция крыши — на стропилах. Первоначальная планировка дома была двухраздельной: «куча» + «соба», причем в куче характерно открытое пристенное «огниште» (в большинстве случаев сохранившееся и после перестроек), а в соба, в настоящее время, — печь-плитка. Но соба обычно бывает не одна, а две или три («веча» и «маня» соба, соба «за гости»). Вход в дом, как правило, через «прем» — крытую терраску, занимающую часть фасадной стены, под навесом на столбах с полукруглыми арками, которые придают очень характерный вид постройкам этой местности. В старину вместо трема большинство домов имело «диванана» — сплошную террасу, или галлерею под навесом вдоль всей фасадной стены. Но при перестройках эти «диванана» по большей части уничтожались, хотя следы их часто можно обнаружить.

Характерный вид придает дому, даже перестроенному, очаг — «огниште», почерневшее кругом от векового дыма. Над очагом висит цепь — «вериге». Она имеет некоторое ритуальное значение. Считается, например, недозволенным допускать, чтобы надочажная цепь раскачивалась. Ее употребляют для своеобразного магического лечения в случае болезни горла: обмотав шею цепью, льют в горло воду через свинное горло. При семейных разделах надочажная цепь играет особую роль: отделяющийся сын уносит ее с собой, а оставшийся хозяин делает себе новую. На очаге пекут и хлеб, для чего употребляется большой полусферический глиняный колпак — «сач»; им покрывают хлеб, который пекут на горячем огниште, насыпая поверх горячие угли; лечение продолжается около получаса.

Национальная одежда в дер. Бели Поток сохранилась, особенно женская. Старые костюмы — «сўкни» (юбки) из тяжелой дмотканной материи с многочисленными сборками, жакетки, ожерелья («огрице») из монет и т. п. — хранятся в шкафах, а на праздники их надевают.

Главной целью моей поездки в Бели Поток было видеть празднование «Славы». Как известно, этот характерный, чисто сербский обычай состоит в том, что каждая семья справляет раз в год, в определенный день, праздник в честь своего святого-покровителя. Наиболее почитаемыми святыми, которым справляют «Славу» наибольшее число семей, являются: св. Никола, Иован, Георгий, Михаил, Стефан. Но я видел «Славу» в день св. Трифона — 1/14 февраля. В дер. Бели Поток св. Трифона «славят» фамилия Пириватричей — потомки первого поселенца в этой деревне. В период турецкого господства вся местность вокруг Белграда была покрыта густым лесом и малообитаема. В первые годы XIX в., когда начались восстания против турок и здесь воевал вождь повстанцев Васо Чарапич, сюда пришел из-под Ужицы («одозго» — с гор) предок фамилии Пириватричей, имени которого сейчас не помнят. При сыне его Петре здесь появилось уже около 30 домов. Петр жил 103 года, сын его Радован — 96 лет и умер недавно (в 1925 г.); у сына же Радована, старика Лазаря Пириватрича, 66 лет, мы и были в гостях. Теперь Пириватричей в деревне 23 семьи (из 320 дворов населения деревни), и все они «славят» св. Трифона.

Празднование «Славы» начинается накануне с вечера; это так называемый «Навечер». По рассказам, прежде именно Навечер был временем совершения главных обрядов «Славы». Но теперь, после войны 1914—1918 гг., Навечер почти не отправляется, делаются только приготовления для «Славы»; в самый же день «Славы» все обряды исполняются по старой традиции.

Я побывал на Навечере у старика Лазаря и у его сына. Когда мы приехали, в обоих домах было уже все приготовлено для «Славы». Комната была украшена лентами, цветами, у старика (но не у сыновей) горела лампада перед иконой св. Трифона. На столе, накрытом чистой скатертью, стояли: праздничный «кблач» с узорами, блюдечко с «коливом» («пананя», как здесь чаще всего называют) и свеча, воткнутая в банку с житом и украшенная, а также вино. Эти четыре необходимые принадлежности празднования «Славы» освящаются в церкви или на дому священником.

Наиболее интересен «кблач». Его пекут из чистой пшеничной муки, украшая верх вылепленными из теста узорами: крест, голуби и обязательно штампованное особое деревянным шаблоном «слово», на котором читаются буквы IC-XC-NI-KA (Иисус Христос победил). Про этот обрядовый хлеб не говорят, что его «ставят» или «кладут» на стол, а употребляют архаическое выражение: «ми бацимо» (бросаем).

Назавтра, в день св. Трифона, 14 февраля, мы приехали в Бели Поток в 11 часов утра. Нас уже ждали, и в нашем присутствии в нескольких домах были совершены обряды «дизания у славу» — главная часть праздника.

Кблач и другие принадлежности праздника были уже предварительно освящены в церкви. Обряд «дизания у славу» совершается одними домашними или с участием близких родственников и знакомых, но до прихода гостей.

Виденный мною обряд «дизания у славу» происходил следующим образом. Домачин зажег свечу и налил всем присутствующим вина. В маленькую глиняную жаровню

с горячими углями был положен пучок сильно пахучей травы «босиляк». Ароматным дымом от нее домашин окурил свечу, колач, икону и поочередно всех присутствующих, которые при этом крестились. Это он повторил три раза. Прочел особую молитву. Один из гостей прочел «Отче наш». Домашин и гости начали по очереди произносить благословения и пожелания, в ответ на которые все говорили: «Дай боже!» и т. д. Все пили вино, чокаясь и произнося пожелания счастья дому, хозяевам, хозяйству. Отлитые стаканы домашин доливал доплна, — чтобы был хороший урожай. Всем по очереди было дано по одной маленькой ложечке колива. Затем все пожимали руку домашину: «Честита слава».

На этом закончилась главная часть обряда, во время которой все стояли. После этого присутствующие сели за стол, и началось угощение. Только домашин не садился, а стоя прислуживал гостям.

Эти обряды, почти тождественные, я видел в двух домах.

Гости, кроме ближайших родных и знакомых, собираются позже, часа в 3—4. Но приглашает их хозяин заранее, с утра. Он идет приглашать гостей с кувшином вина, угощая им тех, кого приглашает («званице»), и каждый должен, отпив немного вина, долить кувшин доверху своим вином, а если у него нет, то хотя бы водой.

Приходящие на «Славу» гости приветствуют домашина словами: «Сречна Слава» (счастливая Слава), на что он отвечает: «Хвала» (спасибо). По обычаю, каждый гость дарит хозяину яблоко — знак дружбы. Гости садятся за стол, пьют и едят. Первым угощением является колач. Его режут ломтями, и каждому гостю дают один ломоть колача и по одному ломтю простого пшеничного и (если есть) кукурузного хлеба. На этот раз у хозяина не было кукурузного хлеба, и нам дали всего по два ломтя. Пир продолжается до вечера. Обычно поют песни, но на этот раз пели мало и неохотно, ибо вообще в деревне невеселое настроение — нет почти ни одной семьи, которая не оплакивала бы кого-нибудь из родных, погибших на войне. Однако молодежь кое-где устраивала танцы, хотя тихие и скромные.

До самого конца праздника на столе горит свеча. Ее гасят в конце дня вином. Если свеча погаснет преждевременно, это считается дурным знаком.

Хозяин не может садиться в продолжение всего праздника. Считается, что у него на правом плече сидит в это время архангел Михаил, который улетит как только хозяин присядет. Хозяин стоя прислуживает гостям. Он «служит», поэтому и весь праздник называется также «Службой». Для гостей это «Слава», они славят домашина и его святого, а для него — «Служба». Хозяйка и другие женщины — члены семьи тоже не садятся, а прислуживают. Но женщины-гости сидят за общим столом.

«Славу» справляют и сейчас все сербы, без исключения. Справляется она и в городе, но несколько по-иному. Эту городскую, «модернизированную» «Славу» мы видели 27 февраля, в день св. Кирилла, в Белграде, у д-ра Богдана Вукчевича. Св. Кириллу празднуют «Славу» здесь немногие, но в Черногории, откуда происходят предки д-ра Вукчевича, в этот день «держат Славу» многие семьи.

Обряд, виденный нами, несколько отличался от деревенского. Совершал его приглашенный священник с псаломщиком. Как и обычно, на столе заранее были приготовлены разукрашенный «колач» собственного печенья, большое блюдо колива, бокал вина и большая свеча. Перед иконой св. Кирилла и Мефодия горела лампада. Зажгли свечу. Священник покадил ладаном (а не пахучей травой) над хлебом, перед иконой отслужил краткий молебен, упоминая в молитвах Богдана (хозяина) и Златию (хозяйку); побрызгал вином под иконой и вокруг. Затем проделал обряд разрезания колача — так же, как, по описанию, его совершают в деревне: сначала хлеб повертели трижды, держа в руках, четверо: священник, хозяин, хозяйка и прислуга (все, кто живет в доме); затем священник полил слегка вином нижнюю корку колача и разрезал его крестообразно на четыре части. Разрезанный хлеб разломил пополам, и разрез трижды поцеловали священник и другие участники обряда, причём священник произносил: «Христос посреди нас», а ему отвечали: «И есть и будет». После этого всем присутствующим, начиная с нас, почетных гостей, дали по чайной ложке колива (здесь, в отличие от деревни, была не одна ложка на всех). На этом кончился обряд. Винопития, поздравлений, молитв, читаемых гостями или хозяином, не было. Хозяин пригласил нас после этого прийти к нему еще раз попозже, к завтраку. На завтраке вместе с нами был и священник. На столе продолжала гореть свеча, перед иконой лампада. В остальном ничего традиционного, обрядового уже не было; хозяин и хозяйка сидели за столом вместе с гостями.

Об обычае «Славы» мне удалось узнать еще следующее. Если тот святой, которому она справляется, имеет два праздника в году (например Никола зимний и весенний), то некоторые семьи справляют во второй из этих дней «Преславу» — тот же обряд, но в более скромных размерах. Женщина, входя в семью мужа, принимает и его Славу; но он, в знак внимания к своей жене, иногда чествует и святого-покровителя ее семьи. Особенно интересен следующий факт: там, где, как например, в Черногории, сохранились остатки племенной организации, там обычай Славы связан со своеобразной экзогамией: те, кто справляет одну и ту же Славу, хотя бы даже они жили в разных деревнях, не вступают между собой в брак.

Эта характерная черта еще раз подтверждает, что обычай Славы представляет собой своеобразную, модифицированную христианством, форму древнего семейно-родо-

вого культа. С другой стороны, интересно отметить, что, как указывают местные этнографы, в празднике Славы нет ничего связанного с культом умерших. О них не упоминается в молитвах, их не касаются в обрядах. Таким образом, здесь нет ни следа культа предков.

В обычае Славы есть много местных особенностей и отличий. Мне говорили, что даже в соседних селах «держат Славу» не совсем одинаково. «Кóблико сéла, тóлько áдата» — что деревня, то обычай.

Мне пришлось наблюдать некоторые обычаи, связанные с умершими. Я видел погребальную процессию в деревне (с. Резник в окрестностях Белграда). Она мало напоминала обычай русских. Хоронили солдата. Множество цветов, венков, гирлянд, национальные флаги — все это скорее походило на свадебную процессию. Траурных красок почти не было видно, если не считать малозаметных белых флажков (белый цвет — древний цвет траура у славян). Провожаящие ехали парами верхом на деревенских лошадях. За гробом шли плакальщицы, — как говорят, не родственницы, а приглашенные.

Траур — «жалост» — налагает ряд ограничений на родственников умершего. Мужчины не бреются и не стригутся 40 дней; не поют, не танцуют в течение года. На всротах дома вешается черный флажок, который висит целый год. Я видел немало таких флажков в Белом Потоке — грустное напоминание о только что пержитой войне; некоторые из них совершенно выпцвели.

Но наиболее интересный обычай — «зáдушница», поминование умерших. Она бывает три раза в году: перед масленицей, перед Петровским и Рождественским постами. Справляется она всеми, и в городе и в деревне. Я видел «зáдушницу» в Белграде в субботу, 23 февраля перед масленицей — «белой» или «покладной» неделей.

Все горожане, у кого только есть на кладбище близкие покойники, — а у кого их нет в эти годы! — отправляются туда в этот день, чтобы помянуть их. Паломничество на кладбище («гробле») начинается с полудня и продолжается до вечера. День выдался солнечный, теплый. Направляясь на кладбище, мы почти всю дорогу встречали возвращающихся оттуда людей, по преимуществу женщин, с пустыми корзинами в руках. Другие шли туда с полными корзинами. Чуть не вся «Гробленска» улица заставлена лотками и киосками, где продаются свечи, ветки вербы, искусственные цветы. Самое кладбище — большое и очень благоустроенное — было полно народа. Люди стояли или сидели вокруг могил своих близких. На могиле или около нее на особом столике раскладываются еда и напитки, притом в немалом количестве. Люди едят, пьют и угощают своих покойников, кладя и возливая немного на могилу. Есть обычай угощать и случайных прохожих, но я этого не видел. Местами на могилах слышно «к канье» или «нарцанье» — громкий плач и причитание женщин. «Нарицают» иногда, как мне говорили, и профессиональные плакальщицы. Местами священники служат панихиды. Все вместе представляло чрезвычайно своеобразное, несколько экзотичное, но трогательное зрелище.

Эти, хотя отрывочные, но небезинтересные наблюдения в Белграде и его окрестностях я мог сделать исключительно благодаря любезной помощи местных этнографов — гг. Дробняковича, Влаховича, Филипповича, Коича, Русевича, Вукановича и др., — которым не могу не выразить здесь искреннюю благодарность.

3

В Хорватии мне пришлось пробыть всего два дня, и мои наблюдения там, естественно, были еще более отрывочны, чем в Сербии. Однако некоторые из них представляют интерес.

В Загребе мы кратко ознакомились с Этнографическим музеем (Hrvatski Narodni Etnografski Muzej). История его известна³. Это один из богатейших этнографических музеев Центральной Европы. Сейчас он имеет 35—40 тысяч экспонатов, главным образом, конечно, по Хорватии; но там есть неплохие коллекции и по другим странам, в том числе по внесвропейским — Африке, Америке, Океании. В настоящее время музей восстанавливает экспозицию после эвакуации в годы войны. Ни здание, ни коллекции не пострадали. Во главе музея стоит д-р Милован Гавацци, широко образованный ученый, один из виднейших этнографов в южнославянских странах.

С д-ром Гавацци мы совершили небольшую поездку в воскресенье 10 февраля в одну из ближних к Загребу деревень — в с. Ябланицу (и часть ее — с. Новаки). Там мы осмотрели постройки, народный костюм и наблюдали крестьянскую свадьбу.

В народной архитектуре этих деревень есть много общего с восточнославянскими формами — гораздо больше, чем у сербов и болгар. Новые дома здесь, каменные, но сохранились довольно многочисленные старые постройки, главным образом деревянные, срубного типа, но не из круглых бревен, а из тесаных брусьев или толстых досок, положенных на ребро. Концы брусьев в углах неровно выступают («в углиц» или «старински угол»); угол без выступающих концов называется «нёмачки». Стены побелены бледноголубоватым цветом. Крыши все двухскатные, сильно выступающие над стенами. Большинство крыш черепичные, но немало и соломенных. Преобладают одноэтажные дома. Планировка дома («хижи») — примитивная. Встречаются даже

³ См. «Гласник Этнографского Музеја у Београду», кн. I, 1926.

простейшие однокамерные хижи (я видел одну такую). Преобладают двух-, трехкамерные постройки. Одна комната называется «хижа» (как и вся постройка), другая — «хижица». Слово «соба» здесь известно только как книжный термин. Если есть третье помещение, то это либо средний проход — «куха» с очагом, либо кладовая — «коморчица». Балки, на которых лежат доски потолка («проснице»), кладутся поперек продольной оси дома и называются «гредице»; прежде делали одну матицу вдоль («трам» или «попрѣчни трам»).

Самое интересное — это почти обязательное, по крайней мере в старых домах, наличие «печи», по типу вполне аналогичной русской печи. Она отличается только тем, что верхняя часть ее облицована изразцами, обычно с зеленой поливой («кахли» или «петняк»). Широкий припечек называется «кбмин», дымоход — «рблин» или «цев»; приделанная к печи плитка — «шбпрет».

На стене, противоположной печи, и в углу по диагонали от нее висят иконы, фотোগрафии, картины. Этот угол аналогичен нашему «красному углу», но особого названия для него здесь нет.

Обстановка в домах почти целиком городская.

Расположение жилых и хозяйственных построек на усадьбе — разбросанное. В числе хозяйственных построек имеются: «штала» (хлев), «ларма» (навес) и др. Характерно наличие открытого сооружения для сушки хлеба в виде высокой деревянной решетки — «кбзлец»: это тот же козлец, известный у словенцев; здесь, у Загреба, — юго-восточная граница его распространения.

В целом народная архитектура хорватского села близ Загреба сильно отличается от той, которая господствует на Балканском полуострове. Здесь налицо целый ряд элементов и терминов, чуждых Сербии и Болгарии: срубные постройки, двухскатная соломенная крыша, русская печь вместо огништа, красный угол по диагонали от нее, термины «хижа», «печь», «трам» и др. Сходные явления известны и в Словении (см. работы А. Н. Харузина), дальше же на юг, за Саву, они не распространяются.

Невольно напрашивается мысль о движении с севера на юг какой-то культурной волны, возможно связанной со вторжением славян: далее к югу, за Дунаем и Савой, эта волна иссякла, и славянские пришельцы, продвинувшиеся дальше всего на юг, предки болгар и сербов усвоили себе формы культуры, существовавшие там ранее (каменная архитектура домов с огништем и пр.). Предки же хорватов и словенцев, не принадлежавшие к этому авангарду колонизации и менее продвинувшиеся на юг, удержали древнеславянские формы построек.

Народная одежда в обследованной деревне сохранилась мало. В отличие от Балканского полуострова, здесь, около Загреба, ткачество составляет не домашнее, а профессиональное, и не женское, а мужское занятие. Есть, впрочем, и женщины-ткачихи, но тоже профессиональные мастерицы. По сообщению д-ра Гавацци, именно здесь проходит граница между домашним женским ткачеством (на востоке) и профессиональным мужским (на западе).

Тип женской рубахи — «кошули» — напоминает нашу рубаху с поликами, которые здесь называются «латун». Но орнаментом при помощи не вышивки, а узорного тканья («прѣбор на штибе» — браная техника), покрывается не только латун, но и весь верх рубах вместе с рукавами.

Из народных обычаев в Хорватии мне не удалось увидеть почти ничего. Мы видели крестьянскую свадьбу, но в ней мало сохранилось старины. Свадьба состоит из церковного венчания, пиришества, музыки и танцев. Мы встретили свадебную процессию на пути к церкви. Впереди несли национальное трехцветное знамя. У мужчин были зеленые ветки на шляпах. Музыканты (мандолина, гитара, гармоника и «берде» — своеобразный контрабас, но с ладами, на котором играют как на балалаике, а несут на ленте через плечо) играли марш, под который вся процессия, в том числе жених под руку с невестой, двигалась мерным шагом. Через несколько времени к церкви подошла другая такая же процессия. В церкви патер повенчал сразу две пары. Из церкви обе процессии направились тем же порядком, под музыку, по домам. По дороге домой останавливались несколько раз на улице, угощали музыкантов, затем зашли в гости к «куму». Одна из молодых пар должна была поселиться в доме невесты, поэтому и свадебный пир готовили там. Никаких особенных свадебных обрядов мы не видели, и говорят, что теперь их и не бывает, кроме обряда преломления свадебного хлеба — «погачицы» — перед ночью.

Кажется, вообще, что народные обычаи у хорват окрестностей Загреба сохранились значительно слабее, чем у сербов и, тем более, у болгар.

* * *

Моя поездка в Балканские страны завершилась в марте 1946 г., работой в составе Межсоюзнической комиссии, в Юлийской Крайне. Однако, мои наблюдения среди славянского населения этой страны носят несколько иной характер и могут составить содержание особой статьи.

С. А. Токарев